

4. G.J. Demko. Landscapes of Crime. The International Diffusion and Adaptation of the Crime Fiction Genre [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.dartmouth.edu/~gjdemko/nyaag.htm>
5. Zafon, Carlos Ruiz. The Shadow of the Wind. Published by Penguin Books, 2004. – 565 p.

Надійшла до редколегії 5 травня 2014 р.

УДК 821.111.09

О. Р. Посудиевская
Днепропетровск

ВАРИАНТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Проблема encounter – зустрічі/зіткнення «свого» та «чужого» – актуалізувалася в англо-американській літературі у кінці XIX ст. через загострення протиріч між молодого американською нацією, що швидко розвивалася, та європейським суспільством. Encounter європейців та американців утілений особливо яскраво в оповіданні О. Уайльда «Кентервільський привид», у повісті Г. Джеймса «Дейзі Міллер» та у романі М. Твена «Простаки за кордоном». Письменники, крім подібної сюжетної лінії, використовують єдиний принцип зображення американців як «простаків» – прагматичних позитивістів, вільних від забобонів та преклоніння перед історико-культурною спадщиною давніх часів. Конфлікт американської «простодушності» та традиційного європейського світобачення, співставлення «свого» та «чужого», «старого» та «нового» стає основою для побудови сюжету творів. Кожний твір втілює позицію самого автора відносно вказаної проблеми, а також його роздуми про можливість вирішення encounter. «Трансатлантична» позиція Г. Джеймса – найбільш песимістична: компроміс «свого» та «чужого» неможливий. «Простаки» в американця М. Твена визнають духовну цінність історико-культурної спадщини Старого Світу, проте це – поодинокий випадок, що контрастує із загальною прагматизацією свідомості та зростаючим утилітаризмом. Найбільш оптимістичним здається «англійський» погляд О. Уайльда: його герої повертаються до культурних традицій прошлого та до піднесено-поетичного світу, створеного європейською літературою. Проте оповідання, де все це показано, представлено у формі іронічної пародійної гри зі штампами готичної літератури, що вказує на штучність того, що відбувається, та на неможливість його здійснення у реальності.

Ключові слова: encounter «свого» та «чужого», «нова» нація, Старий Світ, простодушність, «старі» традиційні цінності, «нове» прагматичне світобачення

Проблема encounter – встречи/столкновения «своего» и «чужого» – актуализировалась в англо-американской литературе в конце XIX в. вследствие обострения противоречий между молодой, быстро развивающейся американской нацией и европейским обществом. Encounter европейцев и американцев воплощен особенно ярко в рассказе О. Уайльда «Кентервильское привидение», повести Г. Джеймса «Дейзи Миллер» и романе М. Твена «Простаки за границей». Писатели, помимо сходной сюжетной линии, используют единый принцип изображения американцев как «простак» – прагматичных позитивистов, свободных от предрассудков и преклонения перед историко-культурным наследием прошлых времен. Конфликт американского «простодушия» и традиционного европейского

мирочувствования, сопоставление «своего» и «чужого», «старого» и «нового» становится сюжетообразующим ядром произведений. Каждое произведение воплощает позицию самого автора относительно указанной проблемы, как и его размышления о возможностях разрешения encounter. «Трансатлантическая» позиция Г. Джеймса – наиболее пессимистична: компромисс «своего» и «чужого» невозможен. «Простак» у американца М. Твена признает духовную ценность историко-культурного наследия Старого Света, но это – единичный случай, контрастирующий со всеобщей прагматизацией сознания и возрастающим утилитаризмом. Наиболее оптимистичным кажется «английский» взгляд О. Уайльда: его герои возвращаются к культурным традициям прошлого и к возвышенно-поэтичному миру, созданному европейской литературе. Однако рассказ, где все это показано, представлен в форме ироничной пародийной игры со штампами готической литературы, что указывает на ненатуральность происходящего и на невозможность его воплощения в реальности.

Ключевые слова: encounter «своего» и «чужого», «новая» нация, Старый Свет, простодушие, «старые» традиционные ценности, «новое» прагматичное мирочувствование

The problem of encounter – meeting/conflict of the “own” and the “alien” became especially actual in Anglo-American literature of the end of the XIXth century due to the increasing tension in relations between the newly-born American nation and Old Europe on the threshold of World War I. The brightest examples of encounter depiction appeared to be the works by O. Wilde (“The Canterville ghost”), H. James (“Daisy Miller”) and M. Twain (“Innocents abroad”). All three works concentrate on the similar plot-lines – the arrival of American “innocents” with “new”, free-from-prejudice, pragmatic and down-to-earth life approach to the Old World where they have to encounter with the “old”, traditional cultural and moral values. However, O. Wilde complicates the subject-matter of his story due to the specific choice of the main character presenting the “own” party of the encounter – a supernatural being. Thus, the range of problems in “The Canterville ghost” increases from the real conflict of the English (“own”) and the American (“alien”) to the encounter of the material and the ideal, of poetical literary world of fantasy and romance and reality. The title of each work reveals the main character of the narrative (according to the authors’ views) – the Americans (H. James and M. Twain) and the Englishman (O. Wilde), thus disclosing each writer’s keen interest in the certain party of the encounter which they belonged to by birth. In this way, the works represent three views on the encounter problem and the ways of its solution – “English” (O. Wilde), “transatlantic” (H. James) and “American” (M. Twain). H. James’ view appears to be the most pessimistic – the compromise of the “own” and the “alien” is impossible. M. Twain’s innocents admit the great value of the Old World’s cultural achievements. However, their victory over utilitarian attitude to life is an isolated case contrasting with overall pragmatism. O. Wilde’s view seems to be the most positive: his characters return to the Old World’s historical and cultural traditions and to the wonderful poetic world created by the European literature. However, the story itself is presented in a form of ironic, parodical play with the cliches of Gothic literature which shows artificiality and illusiveness of the depicted events and impossibility of their embodiment in real life.

Key words: encounter of the “own” and the “alien”, “new” nation, Old World, innocence, “old” traditional values, “new” pragmatic worldview.

Конец XIX века известен в истории как время расширения межкультурных связей и одновременного усиления напряжения во взаимоотношениях между ведущими мировыми державами – Англией, Россией, Германией и США. Стремление ведущих интеллектуалов эпохи к

осмыслению причин межкультурных конфликтов и к поиску возможности межкультурного диалога находит отображение в литературном процессе в проблеме encounter – встречи/столкновения «своего» и «чужого», ставшей особенно распространенной в англоязычной литературе. Особым аспектом этой проблемы стали взаимоотношения между Америкой – молодой страной, быстро набирающей силу, и «старой» Европой, неуклонно идущей к первой мировой войне. Одни из наиболее ярких примеров воплощения encounter «старого» европейского и «нового» американского общества находим в творчестве О. Уайльда (рассказ «Кентервильское привидение», 1887), Г. Джеймса (повесть «Дейзи Миллер», 1878) и М. Твена (роман «Простаки за границей», 1867).

Небольшой юмористический рассказ Уайльда был написан после годичного пребывания писателя в Америке, где лидер эстетизма был вынужден столкнуться со всеми проявлениями «чужого» способа жизни. Типичные черты американского мироощущения – позитивистское отношение к действительности и прагматизм – воплощены в образах членов семьи Отис, купивших старинный английский замок, где они парадоксальным образом сталкиваются с хранителем «старой» культуры – призраком бывшего владельца поместья. Г. Джеймс, повествуя о пребывании юной американки в европейском обществе, выявляет пагубность европейской морали, сковывающей жизненную энергию представительницы «новой» нации набором строгих моральных норм и «...ритуальных жестов, за которыми скрываются бесчувственность, лицемерие, обман, интриги» [1, с. 107]. Американцы Твена, напротив, совершая годичное путешествие по странам Старого Света, постепенно воспринимают возвышенную атмосферу древней европейской истории, приобщаются к наследию ушедших времен.

Названия всех трех произведений выдвигают на первый план имена главных героев, но отличием является их выбор: у Джеймса и Твена это американцы, у Уайльда – англичанин. Герои Джеймса и Твена – реальные граждане США конца XIX века, а героем Уайльда становится призрак рыцаря-феодала эпохи расцвета английского абсолютизма. Подобный выбор, похоже, обусловлен повышенным интересом авторов к той стороне конфликта «своего» и «чужого», к которой они сами принадлежали по происхождению, – американской (Джеймс и Твен) и английской (Уайльд). Помимо наличия сходной сюжетной линии (приезд американцев в Старый Свет) и единой проблемы encounter, фактором, объединяющим произведения, различные по жанровым признакам и эстетическому наполнению, является принцип изображения американских героев как людей с «простым» взглядом на мир, или «простаков» (innocent), «...свободных в своих взглядах и суждениях от любых предрассудков... со здравым смыслом и практичных...» [2, с. 101]. «Простаки», не осознающие духовной связи со Старым Светом, рассматривают богатое историко-культурное наследие и традиционные культурные и моральные

ценности европейского общества с точки зрения «стопроцентного американца» [1, с. 107]. Твен даже выносит это понятие в название романа, указывая таким образом на наиболее желательный для него способ восприятия читателем его «простодушных» соотечественников, иронизирующих над достопримечательностями Европы.

Понятие «простодушный» появляется и у Г. Джеймса. Как считает его герой (американец, переехавший в Европу), «Мисс Дейзи Миллер выглядела слишком простодушной. Некоторые люди говорили ему, что...американские девушки чересчур простодушны»¹ [6, с. 314]. Ведь чувства «простодушной» американской девушки «...были...чисты и природны...», но она «полностью забывала об условностях поведения приличной молодой девушки в Европе» [5, с. XVI]. Строгим моральным нормам европейского общества противопоставляется простодушие и открытость прекрасной американки, даже имя которой указывает на чистоту ее души: «Daisy» (т. е. маргаритка) – прекрасный цветок с белыми лепестками, символизирующий красоту, юность и свежесть [4].

В рассказе О. Уайльда понятие «простодушный» имплицитно, оно проявляется лишь в имени дочери американцев – Вирджинии, которая, согласно сюжету, оказывается единственной из членов своей семьи, кто способен принять английского призрака и помочь ему обрести вечный покой. Семантическое ядро этого имени – *virgin* («девственный», «чистый», «непорочный») – можно толковать как намек и на чистоту души героини, и на то, что ее сознание, не обремененное европейскими моральными и культурными нормами, оказалось своеобразной «*tabula rasa*», способной воспринять достижения «старой» культуры.

Конфликт американского «простодушия» с традиционным европейским мироощущением («Кентервильское привидение», «Дейзи Миллер»), его сопоставление с традиционным европейским восприятием окружающего мира («Простаки за границей») становится сюжетообразующим ядром произведений. Так, один из главных приемов уайльдовской иронии – несоответствие ожиданий Кентервильского призрака (а вместе с ним и читателя) вызвать у американцев Отисов традиционное для европейцев состояние ужаса при встрече с потусторонним миром и того, что происходит в действительности. Парадоксальное столкновение возвышенно-поэтической атмосферы, окружающей сверхъестественное явление, с банальным, приземленным его восприятием «простаками» создает юмористический эффект. Так, сэр Саймон в ужасе бежит от «привидения Отисов», не осознавая, что это – изобретение реальных людей. В этом эпизоде юные американцы по-своему адаптируют «чужое» – литературные традиции в изображении проявления сверхъестественного: старинный готический шрифт используется для написания типового рекламного проспекта. Твен также с мягким юмором снимает ореол романтики и загадочности с историко-

¹ Перевод, где не указано специально, — наш. – О. П.

культурного наследия Старого Света, демонстрируя его с позиции «простака» (к примеру, история любви Абеяра и Элоизы трансформируется в обыденную житейскую историю о неопытной девушке, соблазненной «негодяем с холодным сердцем» [8]). А у Джеймса американка проявляет полное безразличие к печальной истории о Бониваре во время путешествия по Шильонскому замку.

Удивляющее читателя безразличие американцев к историко-культурным традициям европейского прошлого усиливается их необыкновенным прагматизмом. К примеру, при посещении пещеры с останками доисторических людей «простодушные» путешественники с «Квакер-Сити» не только не испытывают благоговейных чувств, но и замечают с практической точки зрения, что пещера «не представляет общественного интереса», так как ее обитатели «более не могут голосовать» [8]. Со всей очевидностью прагматизм американских героев в рассказе Уайльда раскрывается в размышлениях мистера Отиса о том, что сверхъестественное существо может стать «достоянием общественного музея» или его можно «купить вместе с предметами мебели в замке» [7, с. 191]. Традиционное для персонажей европейской готической литературы чувство ужаса перед потусторонним миром побеждено расчетливостью и напористостью представителя «новой» нации.

Не удивительно, что читатель начинает верить в преимущество «нового» американского мироощущения перед устаревшим европейским взглядом на реальность, сформированным во многом благодаря художественной реальности европейской литературы, а поэтому часто неспособным трезво оценить быстро меняющийся мир. У Уайльда под влияние средневековых предрассудков попадают не только реальные англичане, но и сам сэр Саймон, который не осознает различий между реальной действительностью и выдуманным книжным миром. Однако поведение уайльдовских героев резко контрастирует с впечатлениями американцев Твена от европейских достопримечательностей, связанных с легендами о потустороннем. Так, овеванный суевериями вид долины Дан «не доводит разумных людей до судорог», яблоки в долине Мертвого моря не рассыпаются в пыль, а гроздья винограда в Ханаанской земле – маленькие [8].

Сами американцы кажутся читателю более приспособленными к жизни в мире накопления материальных благ и научно-технического прогресса. У всех трех авторов эти герои обладают неутомимой кипучей энергией и жаждой жизни, недостающими холодным и чопорным европейцам. Младшие сыновья Отисов необыкновенно шумливы и непослушны, а брат Дейзи не ложится спать всю ночь. У миссис Отис «прекрасные черты лица» (*a superb profile*), а герой Джеймса – Уинтерборн – поражен «восхитительно прекрасной» девушкой с «необыкновенно ясными и честными» глазами [6, с. 308, 310]. Создается впечатление, что энергичные американцы подавляют европейцев.

Превосходство США над Старым Светом проявляется и в многочисленных утверждениях героев о том, что лучшие актрисы и самая модная одежда уже давно находятся в Америке, Бостон – великий культурный центр, американские мужчины и сладости – самые лучшие в мире, а один из путешественников Твена «...выглядит умнее всей Французской Академии вместе взятой» [8].

Неразрывно связанными с носителями «новой» культуры оказываются последние достижения науки и техники. Кентервильский призрак вынужден отступить и в конце концов сдается под напором трех новинок. Пятновыводитель фирмы Пинкертона (Pinkerton's Champion Stain Remover and Paragon Detergent) уничтожает сверхъестественным образом появляющееся кровавое пятно, для цепей призрака предлагается смазочное средство с американским названием «Восходящее солнце демократической партии» (Tammany Rising Sun Lubricator), а когда сэр Саймон пытается напугать реальных людей «знаменитым раскатом демонического смеха» (“celebrated peal of demoniac laughter”), ему дают микстуру от несварения желудка доктора Добелла (Dr Dobell's tincture). Миссис Миллер признается, что во всей Европе нельзя найти такого же специалиста, как американский доктор Дэвис (Dr Davis). В «Простаках за границей» техническое превосходство Нового Света имплицитно: оно проявляется только в некоторых замечаниях американцев, например о том, что железная дорога некомфортабельна, а кусок мыла считается диковинкой.

В произведениях раскрываются характерные особенности восприятия и взаимодействия Старого и Нового Света. Европейцы у Уайльда и Джеймса не принимают представителей «новой» нации, считая их «жалкими» (wretched), «находящимися на низком материальном уровне существования» (on a low material level of existence), «отвратительными» (dreadful), «безнадёжно вульгарными» (hopelessly vulgar), «довольно дикими» (rather wild) и «совершенно невоспитанными» (completely uncultivated). Тетя Уинтерборна обвиняет племянника в том, что он как американец слишком простодушно относится к поведению бывшей соотечественницы (“You are too innocent”); сам герой, решивший, что Дейзи не стоит уважения, замечает, «как ловко она сыграла уязвленное простодушие» (“...how smartly she played an injured innocence!”) [6, с. 319, 359]. Но у Твена ситуация противоположна: дикими и необразованными «бродягами» (outcasts) предстают сами европейцы в глазах цивилизованных американцев, которых удивляют «безграничная суеверность» (boundless superstition), «странная» (strangest) и «смешная» (funniest) жизнь представителей Старого Света, которые «совершенно не знают о том, что мир меняется» (“...perfectly unaware that the world turns round”) [8].

Тем не менее во всех трех произведениях у американцев появляется ностальгия по «чужому», которое раньше было «своим», – по

историческим корням, по культуре и литературе «старой» Европы. Отисы, отвергавшие важность историко-культурных традиций, приобщаются к ним; Дейзи, несмотря на разочарование в Риме, вскоре погружается в созерцание садов Пинчио и восхищается красотой Колизея при лунном свете. Путешественники Твена сперва иронично отмечают, что государственный переворот Наполеона III имел для Оттоманской империи гораздо большее значение, чем «чудеса вымысла» и «романтика» приключений Аладдина в мире арабской магии (“Who talks of the marvels of fiction? Who speaks of the wonders of romance?”) [8]. Однако прагматичные американцы внезапно осознают, что их интерес к европейскому искусству и художественному творчеству многократно усилился.

Как показывает американский автор, путешествие по Старому Свету меняет мироощущение представителей «новой» нации: «простаки» обретают способность воспринимать и уважать «чужое». Меняется и отношение самого рассказчика к европейским культурным реалиям – от иронии и пародирования до искреннего восхищения. Так, герой погружается в созерцательное спокойствие при виде пейзажа в Лаго ди Гарди, открывает для себя Венецию, наполненную поэзией и романтикой при лунном свете, а в Смирне ощущает себя персонажем сказок «Тысячи и одной ночи», где его слугами являются великаны и джинны. Прагматичный гражданин США вдруг признает, что «чудесные воспоминания» о Святом городе «никто ни за какие деньги не сможет у него купить», а все достижения Америки не сравнятся с достижениями египетской цивилизации, которая «знала <...> все о врачевании и хирургии, открытое наукой лишь впоследствии <...> которая владела...высококачественными предметами необходимости, свойственными продвинутой цивилизации» [8].

Американский путешественник, возвращая себе способность восторгаться достижениями «старой» культуры, побеждает прагматизм и потребительское отношение к жизни. Но это – единичный случай, который контрастирует с общим процессом прагматизации сознания, утилитарного отношения к духовному богатству и традициям. Разрешение проблемы encounter «своего» и «чужого» в «Дейзи Миллер» более трагично: смерть юной американки отягощена осознанием того, что даже бывший соотечественник не считает ее достойной уважения. В отчаянии героини как бы отображены чувства самого Джеймса, который, подобно своим американским героям, был вынужден приспособиться к «набору ритуальных жестов» морали Старого Света [1, с. 107]. Оптимистичная нота, правда, звучит в конце произведения: Уинтерборн осознает и несправедливость по отношению к девушке, и собственную потерю «innocence» – наивности, стремления к развитию индивидуальности и свободе от строгих правил европейской морали. Однако, как замечает автор, это осознание не приводит к существенным изменениям в его

мирочувствовании и судьбе: герой начинает жить прежней жизнью под влиянием европейских моральных норм. Согласно «трансатлантической» версии разрешения encounter, компромисс «своего» и «чужого» невозможен, а представители «старой» и «новой» культур не способны к взаимному диалогу.

Самым оптимистичным взглядом на проблему encounter англичан и американцев, как кажется читателю, является английский взгляд Уайльда: его герои возвращаются к историко-культурным традициям Старого Света и к прекрасному художественному миру, созданному европейской литературой, и даже роднятся с английскими аристократами. Однако, при всей видимости счастливого финала, компромисс «своего» и «чужого», «старого» и «нового» иллюзорен. Ведь хранителя «старого» мира хоронят, с ним прощаются навсегда. Вместе с сэром Саймоном как бы уходит в небытие тот мир поэзии и воображения, который стимулировал в людях веру в сверхъестественное, усиливал их способность поэтизировать реальность. И сам рассказ, где все это показано, построен в форме ироничной пародийной игры со штампами готической литературы, что указывает на ненатуральность изображаемых событий и их неосуществимость в действительности.

Воплощая encounter «стопроцентных американцев» со Старым Светом, английский, «трансатлантический» и американский писатели пытаются осознать общественную ситуацию в современном им мире, осмыслить «свое» в его контакте с «чужим». Ведь в процессе взаимодействия с чужой, иной культурой «человек начинает глубже осознавать свою собственную культуру, свое мировоззрение» [3, с. 24] – усиливается его рефлексия над ситуацией в современном ему обществе и над подходом к жизни в целом.

Свою рефлексию по поводу разрешения межкультурных коллизий авторы отображают через историю судеб главных героев. Американка Джеймса проигрывает встречу/столкновение с европейскими моральными нормами, «простачки» Твена осознают культурное превосходство Старого Света над Новым. У Уайльда, благодаря специфичному выбору главного героя, проблематика усложняется: мотив encounter разворачивается не только в сфере столкновения «своего» и «чужого» (английского и американского), но и в конфликте материального и идеального, «старого», традиционного и «нового», технократического взглядов на мир, возвышенного мира фантазии, поэзии и реальности. Несмотря на то что американские герои принимают наследие «старой» патриархальной культуры (которое было для них «чужим»), автор внезапно вводит парадоксальный образ расчетливой и прагматичной английской маркизы, которая, по логике, должна это наследие сохранять (для нее оно – «свое»). Факт отсутствия различий в мирочувствовании представителей английского высшего света и американского среднего класса позволяет предположить, что в образах уайльдовских американцев на самом деле

воплощена своєобразная печальная версия писателя об универсальном ходе общественного развития.

Бібліографічні посилання

1. Анастасьєв М. Другий Г. Джеймс / М. Анастасьєв // М. Анастасьєв. Етюди про американську літературу / Вікно в світ. – Київ: “Аверс”, 1999, № 4. – С. 104-110.
2. Анастасьєв М. Індіанська територія / М. Анастасьєв // М. Анастасьєв. Етюди про американську літературу // Вікно в світ. – 1999. – № 4. – С. 100-101.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: «Слово», 2008. – 264 с.
4. ABBY Lingvo dictionary. Версия 12. [Электронный ресурс]: - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): 12 см. – Систем. требования: Pentium; 32 Mb RAM; CD-ROM Windows 98/2000/NT/XP. – Заголовок с экрана.
5. Bayley John. Introduction / John Bayley // Henry James: Collected stories. – David Campbell Publishers Ltd., 1999. – p. xi-xxiii.
6. James Henry. Daisy Miller / Henry James // Henry James: Collected stories. – David Campbell Publishers Ltd., 1999. – p. 305-364.
7. The Collected Works of Oscar Wilde. The Plays, the Poems, the Stories and the Essays including De Profundis. – Wordsworth Editions Ltd, Hertfordshire, 1997. – 1098 p.
8. Twain Mark. The Innocents Abroad [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classic-library.org.ua/twain-mark/the-innocents-abroad/> – Последнее изменение: 23.02.2007 – Заголовок с экрана.

Надійшла до редколегії 26 квітня 2014 р.

УДК 821. 111

Л. П. Привалова
Днепропетровск

СПОР ПАСТУХОВ О ПОЭЗИИ (ЭКЛОГА «ОКТЯБРЬ» ИЗ «ПАСТУШЬЕГО КАЛЕНДАРЯ» Э. СПЕНСЕРА)

Досліджується своєрідність уявлень Е. Спенсера про поетичну кар'єру. Він починає свій творчий шлях як «англійський Вергілій»: від пасторалі до національної епопеї, стає творцем національного міфу. Але ренесансні поети використовували й інші моделі творчості: це модель Овідія (епічна поема та любовна лірика) і модель Св. Августіна (гімн). На відміну від Петрарки та його послідовників (Тассо, Ронсар), які комбінували ці жанрові моделі досить хаотично, Спенсер підходив до своєї поетичної кар'єри системно та цілеспрямовано, свідченням чого став спір пастухів про поезію у еклозі «Жовтень» з «Пастушого календаря». Свої міркування про поета та поезію Спенсер виявляв у формі міфів, пов'язаних з крилатими істотами. Крило – це символ божественної природи поетичного дару. Дослідники знайшли у поезіях Спенсера більше ніж три сотні образів птахів, важливих для розуміння його поетичного проекту. У еклозі «Август» виникає образ солов'я, у «Короліві фей» поет ототожнює себе з голубкою, яка є символом ідеї миру, божественної благодаті й любові. У сонетному